

Ю.Э. Демиденко, Д.Ю. Нужный

ПРОБЛЕМЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И КНИГА И.В. САПОЖНИКОВА «БОЛЬШАЯ АККАРЖА. ХОЗЯЙСТВО И КУЛЬТУРА ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА СТЕПНОЙ УКРАИНЫ»

Yu.E. Demidenko, D.Yu. Nuzhnyi. Upper Palaeolithic Problems in the North Black Sea Region and I.V. Sapozhnikov's Book "Bolshaya Akkarzha. Upper Palaeolithic Economy and Culture of the Ukrainian Steppe"

The reviewed book is dedicated to presentation of Epigravettian site Bolshaya Akkarzha with its data then used for both broad palaeoeconomic reconstructions and creation of general chronological Upper Palaeolithic scheme of so-called steppe zone of southern Ukraine. However, the site's stratigraphy and preservation of its cultural layer with its characteristic finds do not correspond to the announced bold aims. The flint assemblage formed by mainly Epigravettian artifacts is also clearly mixed with finds of two versions of Epi-Aurignacian (Krems-Dufour and Zelenyi Khutor-Klimautsy types), Early Mesolithic (Belolesie type with segments) and Late Mesolithic – Neolithic (Kukrek and Grebeniki cultures) industries. Seriously destroyed and undated by radiocarbon method, the site's cultural layer (that according to pollen analysis was supposed to be formed in a sufficiently cold and dry time period of Last Glacial Maximum – 19 – 18 Kyr BP) also contained abundant *Helix sp.* snails – species of true warm and humid climatic conditions. The author's hypothesis about this special gathering of snails and a number of dwelling reconstructions (e.g. with wooden pillars and pise buildings of sub-square form) as if practiced by Upper Palaeolithic population of periglacial steppes are rather too exotic to reveal any Palaeolithic reality. As a result of active usage of mixed, undated and not stratified sites for Upper Palaeolithic industrial definitions, I.V. Sapozhnikov has also introduced some very strange and syncretic sorts of industries – e.g. "Gravettoid Epiaurignacian" and "Aurignacoid Epigravettian". Our review discusses the subjects proposed by I.V. Sapozhnikov, with their relation to actual Upper Palaeolithic problems of Southern Ukraine, Moldova and Russia.

Северное Причерноморье занимает одну из ключевых географических позиций в палеолите Восточной Европы – находится на ее юге, на стыке различных природно-ландшафтных территорий: перигляциальных областей центра Восточно-Европейской равнины на севере, предгорных массивов Восточных Балкан и Карпат на западе и северо-западе и Северного Кавказа на востоке. В связи с этим каждое монографическое исследование проблем палеолита этого региона, естественно, вызывает живой интерес среди коллег и, соответственно, его последующее обсуждение. Изданная на русском языке книга И.В. Сапожникова по факту содержащегося в ней большого массива данных и предложенных интерпретаций по стоянкам Украины, Молдовы и России никак не может быть оставлена без внимания палеолитоведами этих стран, плотно занимающимися проблематикой палеолита Северного Причерноморья. Поэтому

и естественно написание нами данной статьи-рецензии: начало рецензирования должно быть положено археологами Украины, и для наилучшего понимания ее содержания коллегами из стран бывшего СССР предлагается ее публикация на русском языке. При этом наше соавторство объясняется значительным сходством наших взглядов на рассматриваемые ниже конкретные стоянки, их материалы и связанные с ними проблемы, вследствие чего появление двух близких до аналогичности рецензий, конечно, было бы нецелесообразным и выглядело бы более чем странно.

Итак, монография базируется на сведениях по стоянке Большая Аккаржа (Одесская область, Северо-Западное Причерноморье) и с опорой на их информативность и постулируемую автором уникальность анализируются многие аспекты верхнего палеолита т.н. степной Украины и сопредельных территорий

Украины (Крым, Надпорожье Днепра), Молдовы (Нижнее Поднестровье) и России (Нижнее Подонье). Вместе с тем сразу необходимо отметить однозначную раздробленность изложения данных в монографии, где материалы по Большой Аккарже не собраны воедино в отдельную часть, чтобы уже затем производился аналитический их разбор в контексте региональной проблематики, а напротив, фактические данные по стоянке рассредоточены по каждой из пяти частей книги в соответствии с предлагаемыми для анализа вопросами, из-за чего во многом потеряна цельность восприятия памятника. Это нельзя не признать существенным структурным недостатком рассматриваемой книги, особенно в свете того, что Большая Аккаржа вовсе не является опорным памятником верхнего палеолита региона и поэтому не может служить базисом предлагаемых автором идей. Отсюда ясно, что настоящая статья-рецензия должна сначала основываться на критическом осмыслении данных по этой стоянке и только потом по иным аспектам верхнего палеолита Северного Причерноморья.

Большая Аккаржа со времени ее раскопок П.И. Борисовским в 1959 г. и 1961 г. вошла в научный оборот палеолитоведения как памятник со значительно разрушенным культурным слоем (см. Борисовский 1961: 29-30; и, например, Рогачев, Аникович 1984: 219). Это четко видно по встречаемости артефактов начиная прямо с верхнего гумуса и до глубины более одного метра в ниже залегающих верхнеплейстоценовых суглинках. Наибольшая концентрация находок была на глубине 0,55 – 1,05 м, и так называемый культурный слой не только не определяется по своей цветности, но даже вообще визуально не прослеживается в стратиграфическом разрезе. Об этом ясно указано в «Приложении 1» монографии И.В. Сапожникова и В.Ф. Петрунем по результатам его геологической рекогносцировки стоянки в 1991 г. – «культурный слой практически только угадывался на уровне, **указанном И.В. Сапожниковым**» (выделено нами – Ю.Д., Д.Н.) (с. 279). Новые раскопки И.В. Сапожникова в 1988 – 1993 гг. других участков памятника продемонстрировали ту же «смазанную» стратиграфию артефактов. Об этом, собственно, пишет и сам И.В. Сапожников, констатируя ««взвешенное» положение находок» культурного слоя Большой Аккаржи (с. 31). Это, однако, почему-то не помешало И.В. Сапожникову произвести следующую алогичную в такой ситуации процедуру – нанести на один и, реже, два плана поквратно все находки из неоднородной толщи суглинков мощностью до 60 см и затем якобы получить объек-

тивный план поселения не только с различной концентрацией кремневых артефактов и костей животных, но даже выделить четыре хозяйственно-бытовых комплекса (ХБК). Такого рода методика фиксации находок значительно разрушенного культурного слоя и определение на ее основе какой бы то ни было реальной планиграфии поселений палеолита не имеет ничего общего со сколько-нибудь признанными в археологии методами исследований.

Формирование же определенного И.В. Сапожниковым т.н. культурного слоя памятника в пределах вышеуказанной основной концентрации находок (до 60 см по вертикали) в толщах верхнеплейстоценовых лессовидных суглинков дало ему основание «уверенно датировать» его раннепричерноморским (по М. Ф. Векличу) временем, т. е. от 22 до 16,5 тысяч лет тому назад (с. 38-47). Разумеется, подобная и абсолютно ясная, с точки зрения И.В. Сапожникова, стратиграфическая ситуация с размещением культурных остатков в Большой Аккарже исключала всякие сомнения в их индустриальной гомогенности. К сожалению, они сразу возникают у любого палеолитоведа при анализе находок этого «культурного слоя». Прежде всего, если мы реально имеем дело с чистым раннеэпиграветтским комплексом времени 20 – 16,5 тыс. лет назад, то что в таком случае делают обильно присутствующие в культуросодержащих седиментах стоянки раковины теплолюбивых моллюсков *Helix vulgaris*? Более чем неожиданная находка для стоянки максимума похолодания вюрма! Дело в том, что моллюски рода *Helix* многочисленны в отложениях на территории Европы в период последнего интергляциала и также встречаются в периоды интерстадиалов раннего вюрма и интерпленигляциала вюрма и затем уже опять в массовом порядке известны только для голоцена, но никак не во время максимального похолодания вюрма (22 – 18-17 тыс. лет назад) и следующих за ним отрезков времени, с которыми только и может быть связан эпиграветт Большой Аккаржи. Вот как описывает природно-климатические условия существования этих сухопутных моллюсков В.А. Присяжнюк (Отдел стратиграфии и палеонтологии кайнозоя, Институт геологических наук НАН Украины, личное сообщение, 2004 г.): «Мезофильная луговая степь и лесостепь со значительным распространением широколиственных кустарников, климат умеренный...». Как это соотносится с реконструкцией палеоэкологических условий во время накопления отложений стоянки с ее находками, которые, по данным палинологического анализа Большой Аккаржи С.И. Медяник, «...сформировались в условиях

очень холодного и резкоконтинентального климата. Основной тип растительности этого времени в районе Большой Аккаржи – ксеротические перигляциальные степи» (с. 53)? К сказанному можно добавить еще и то, что, кроме вышеупомянутых моллюсков рода *Helix*, в этих же отложениях стоянки встречены и другие теплолюбивые моллюски – например, *Chondrula tridens* Mull. (у автора монографии ошибочно названа *Choudrula tridens* – с. 62), связанные с интергляциальными климатическими условиями ископаемых почв микулинского возраста (Мотуз 1982: 178). Поскольку каких-то среднепалеолитических находок на памятнике времени последнего межледниковья нет, то правомерно ставить вопрос о возможности присутствия здесь мезо-неолитических находок голоцена. А вот они-то как раз и обнаружены. Сам И.В. Сапожников пишет об отчетливой мезо-неолитической примеси в раскопе Б 1989 г. – «низкий острый скребок и срединный резец на крупном отщепе, боковой скребок на пластине (рис. III. 15, 26), фрагмент средней пластины правильной призматической огранки со скошенным концом и типичный вкладыш кукрекского типа» (с. 109). По мнению автора, «этот факт говорит об очень непродолжительном присутствии мезо-неолитического населения на ограниченном участке площади Большой Аккаржи, но их инвентарь хорошо вычленяется из основной коллекции памятника и не может оказать какого-либо заметного влияния на технико-типологические показатели его отдельных комплексов» (там же). Однако с этим трудно согласиться даже после просмотра публикуемых не очень качественных иллюстраций кремневого инвентаря стоянки, где микролиты мезо-неолитического облика встречаются повсеместно. Так, кроме обломка микролита, «...в котором можно увидеть фрагмент сегмента (рис. III.14, 30)» в раскопе А (с. 100), без всякого желая аналогичные изделия можно определить как обломки сегментов в раскопе Г (рис. III. 23, 12) и т. н. ХБК III (рис. IV.14, 47). Целая трапеция, фигурирующая в качестве изделия «со скошенными ретушью концами» (с. 127), присутствует и в раскопе Г (рис. III, 30, 36). Подобно вышеописанным находкам, число которых, безусловно, возрастет при ознакомлении с реальной коллекцией, и раковины моллюсков *Helix vulgaris* «находились в разных литологических горизонтах, в том числе и на уровне первоначального залегания культурного слоя и даже ниже (рис. I. 8, 8; I. 10-12)» как в раскопах 1959 и 1961 гг., так и раскопах В и Г 1989 и 1990-1991 гг., а «в 1992 г. в раскопе Д на кв. Н-1... было расчищено небольшое компактное скопление таких

раковин близ очага» (с. 61-62). Последние периодически присутствуют в таком количестве, что это даже подвигло автора монографии на вывод об их специальном сборе с целью употребления в пищу верхнепалеолитическим населением Большой Аккаржи и даже было использовано как «...дополнительный аргумент в пользу обитания в весенне-летний сезон» людей на стоянке (с. 62, 138, 214, 223). Оба эти положения (и, к сожалению, не только они) безусловно являются новаторскими в проблематике как изучения экономики верхнепалеолитического населения приледниковой зоны Европы, так и определения сезонности их поселений.

Однако вышеописанными мезо-неолитическими находками гетерогенность верхнепалеолитических артефактов стоянки не ограничивается – есть много данных о присутствии здесь еще более древней, да еще и разнотипной эпиориньякской примеси. С одной стороны, речь идет об эпиориньяке типа кремдюдур Северного Причерноморья времени 22 – 18 тыс. лет назад. В раскопе А 1988 г. (площадь около 28 кв. м) есть «изделия на микрошешуйках (8 экз.)» (рис. III. 14, 1-8) с характерной маргинальной абразивной ретушью, один скребок кареноидный атипичный (рис. III. 13, 8) и одно комбинированное орудие в виде скребка кареноидного атипичного – бокового резца (рис. III. 14, 50) (с. 99-100). В раскопе Б 1989 г. (площадь 30 кв. м) присутствуют все те же «микрошешуйки с ретушью (5 экз.)» (рис. III. 16, 1-5) и 2 скребка кареноидных атипичных (рис. III. 16, 35-36) (с. 106-107). Данные типы инструментария являются наиболее яркими индустриальными показателями вышеуказанной версии эпиориньяка, и они всегда присутствуют в такой технолого-типологической связке в комплексах всех стоянок этого типа на территории Северного Причерноморья Украины и России – Сагайдака I, Анетовки I, Мураловки и Золотовки I (Демиденко 2002: 67; Демиденко, в печати). При этом в качестве одного из аргументов И.В. Сапожникова в пользу органичности присутствия сагайдакско-мураловских микролитов в эпиграветтских комплексах Большой Аккаржи фигурирует тот факт, что они обнаружены лишь на отдельных участках стоянки (раскопы А, Б и т.н. ХБК IV), тогда как остальные эпиориньякские типы орудий известны почти на всей площади стоянки (с. 109). Во-первых, не понятно, почему наличие или отсутствие сагайдакско-мураловских микролитов является признаком гомогенности вышеуказанных комплексов Большой Аккаржи при постоянном присутствии в них определенного количества орудий иной технологической традиции.

А во-вторых, даже это утверждение не соответствует истине, исходя из опубликованных иллюстраций. Так, упомянутые сагайдакско-мураловские микролиты серийно найдены и в раскопе Г (рис. III. 23, 1, 14-17; III. 26, 12-18), и в т.н. ХБК I (рис. IV. 5, 13-14), и в т.н. ХБК III (рис. IV. 14, 8-9, 24, 39-40). Вероятно, подобная ситуация обусловлена тем, что автор монографии в описании подобных изделий почему-то нигде не упоминает такую их очень специфическую черту, как обработку маргинальной ретушью с абразивным затуплением, которая абсолютно не характерна для эпиграветтских микролитов. Поэтому еще и их обломки, скорее всего, в приличном количестве представленные во всех комплексах Большой Аккаржи, для него просто не существуют.

В этой же связи вызывает удивление и отсутствие в описании эпиграветтских микролитических комплексов Большой Аккаржи каких бы то ни было элементов использования микрорезцовой техники для изготовления различных острий с притупленным ретушью краем. Указанная и весьма характерная эта технология широко представлена как в виде микролитов с плоским сколом, так и отходов их изготовления – микрорезцов в материалах всех выразительных эпиграветтских комплексов юга Украины на таких стоянках, как Ямы, Анетовка II, Амвросиевка, Федоровка, Янисоль и другие (Нужный 1992). Исходя из некоторых иллюстраций анализируемой монографии (например, рис. III. 34, 1), микрорезцовая техника могла использоваться и эпиграветтскими людьми Большой Аккаржи, но однозначно об этом судить трудно, учитывая качество рисунков и описание материала. Таким образом, мы имеем дело либо с уникальным технологическим проявлением «безмикрорезцового эпиграветта» в Северном Причерноморье по материалам Большой Аккаржи, либо с пробелами профессионального анализа публикуемой коллекции этого памятника.

С другой стороны, для Большой Аккаржи возможно говорить и о находках эпиориньяка с кареноидными резцами и специфическими «остриями климауцкого типа», очень близких эпиориньякским скребкам типа «лготка» Моравии (Демиденко, в печати). В раскопе Г 1990 – 1992 гг. (площадь 93-94 кв. м) есть типичное «острие климауцкого типа» (рис. III. 30, 50) и единственный в коллекции кареноидный резец (рис. III. 24, 12) (с. 126-127). В раскопе Д 1992 г. (площадь около 32 кв. м) также имеется 2 «острия климауцкого типа» (рис. III. 34, 26, 35). Эти индикативные формы орудий серийно зафиксированы на стоянках указанного

типа эпиориньяка Климауцы I-II и Зеленый Хутор I-II Северо-Западного Причерноморья, Молдовы и Украины.

Суммируя все вышесказанное, нельзя не прийти к следующему выводу: среди количественно преобладающих в т.н. культурном слое Большой Аккаржи раннеэпиграветтских артефактов есть находки и мезо-неолита (комплекс находок Кукрека, Гребеников или раннего неолита, а, возможно, и Белолесья?), и эпиориньяка типа кремс-дюфур Северного Причерноморья, а также эпиориньяка типа Климауц I-II и Зеленого Хутора I-II. При этом, когда речь идет об артефактах разноэпохальной и разноиндустриальной примеси в Большой Аккарже, то это все находки индустрий каменного века именно Северного Причерноморья, а не каких-то «заморских» индустрий. Следовательно, совместное нахождение находок хорошо известных в Северном Причерноморье не менее чем четырех (!) индустриальных явлений каменного века в одном значительно разрушенном естественными процессами т.н. культурном слое анализируемой стоянки, тем более исследованном на столь значительной площади – около 450 кв. м (с. 17), не должно вызывать какого-либо удивления.

Представленная эпохально-индустриальная смесь находок в Большой Аккарже ставит также под сомнение научную полноценность результатов палинологического анализа седиментов стоянки, где почему-то не представлены споры растений голоцена, а также правомерность определения И.В. Сапожниковым хронологической позиции в абсолютно строгих рамках 22 – 20 000 лет назад для комплексов эпиориньяка типа кремс-дюфур Северного Причерноморья при отнесении им т.н. культурного слоя раннего эпиграветта Большой Аккаржи ко времени 19 – 18 000 лет назад, не говоря уже об обоснованности отнесения им подъемных материалов Зеленого Хутора-I-II ко времени 30 – 22 000 лет назад (см с. 230). При этом само датирование Большой Аккаржи И.В. Сапожниковым временем в 19 – 18 000 лет назад реально основано лишь на данных визуального изучения разреза памятника В.Ф. Петрунем – определен раннепричерноморский лесс (22 – 16 000 лет назад), в соответствии со стратиграфической схемой четвертичной системы Украины М.Ф. Веклича второй половины 1960-х – первой половины 1980-х гг. (с. 276, 279). Ведь нельзя же, как это делает И.В. Сапожников, по цветности суглинков уверенно определять позицию т.н. культурного слоя Большой Аккаржи в 19 – 18 000 лет назад в контексте цветности отложений стоянок Ане-

товка I, Анетовка II, Амвросиевка, Сагайдак I – памятников верхнего палеолита Северного Причерноморья, отделенных от Большой Аккаржи расстояниями от более чем 250 км до около 1000 км, с различной и геологической историей отложения седиментов, и геоморфологической позицией (с. 42-52). По сути, именно на таком подходе зиждется вся предлагаемая И.В. Сапожниковым геохронология верхнего палеолита Северного Причерноморья. Остановимся немного подробнее на применяемой им методике определения возраста верхнепалеолитических памятников региона, фигурирующей под названием «геохронологического датирования». Очень индикативна в этом отношении риторика И.В. Сапожникова как касаясь собственно Большой Аккаржи, так и целого ряда исследованных другими археологами стоянок. Исходной посылкой для И.В. Сапожникова здесь является часто им постулируемая следующая патетическая оценка Большой Аккаржи. Оказывается, «по своей научной значимости – коллекции артефактов, определенным фаунистическим остаткам, наличию отдельных хозяйственно-бытовых комплексов, **интереснейшим данным геологии** и палинологии наш памятник является **абсолютно уникальным для позднего палеолита всей Украины и соседних стран**», вокруг которого почему-то «...рядом исследователей... **создана аура некоторой ущербности**» (подчеркнуто нами – Ю.Д. и Д.Н.) (с. 17). В последнем все же, вероятно, виноваты землеройные животные и другие природные факторы, пока не подвластные ни авторам настоящей статьи-рецензии, ни самому И.В. Сапожникову, а никак не какой-либо субъективный «человеческий фактор» коллег. Что же касается первого, то Амвросиевское костыще и стоянка, Сюрень I, Буран-Кая III, Молодова V, Мезин, Межиричи, Добраничивка, Пушкари I и другие верхнепалеолитические памятники Украины, а также, скажем, Косоуцы в Молдавии и Каменные Балки I-III в России, похоже, могут пока «отдыхать», не удостоенные серьезного внимания автора рецензируемой монографии.

«Уникальная» стратиграфическая позиция «культурного слоя» Большой Аккаржи заключается в следующем: «По ним (профилям раскопов и шурфов – Ю.Д. и Д.Н.) достаточно **отчетливо** видно, что **первоначально** культурный слой “in situ” залегал на границе двух лессовых горизонтов – серо-желтого и желтого суглинков или **несколько выше**» (подчеркнуто нами – Ю.Д. и Д.Н.) (с. 31). Серо-желтый цвет суглинка вполне объясним глубиной

его залегания – около 0,50 м под слоем чернозема. По описанию П.И. Борисковского, это «Серовато-желтый переходный (т.е. между современной почвой и лессовидными суглинками – Ю.Д. и Д.Н.) слой, во многих местах прорезанный кротовинами. Содержит много палеолитических кремней и осколки ископаемых костей. Контакты нечеткие» (с. 24). Таким образом, вопрос цветности этих отложений при наличии перекрывающего голоценового гумуса и гигроскопичности лессовидных суглинков, включающих как результат обильные карбонатные стяжения (с. 24), достаточно ясен любому специалисту, имеющему опыт работы на памятниках современной степной зоны юга Восточной Европы, наряду еще и с фактом, что «отдельные находки встречались выше до самой поверхности» (с. 31).

Как же был продатирован «культурный слой» «уникальной» Большой Аккаржи с помощью «геохронологического метода»? И.В. Сапожников все решил просто. За основу было взято описание стратиграфических условий залегания культурного слоя Анетовки II – только этому памятнику было дозволено состязаться по своей значимости и уникальности с Большой Аккаржей (с. 17). Культурный слой Анетовки II, перекрытый лессовидным делювиальным суглинком светло-коричневого цвета, связан с суглинистой светло-палевой прослойкой мощностью до 5 см. Последняя «наблюдается в виде окрашенных в палевый цвет делювиальных суглинков» и «на многих участках полностью уничтожена промоинами» (с. 43). Далее, после описания разреза Анетовки II И.В. Сапожниковым делается следующий основополагающий вывод: «Таким образом, культурный слой Анетовки II связан с нижней частью светлосерого и верхней частью желтого суглинков, что **точно** совпадает с геологической позицией Аккаржи. Исходя из литологии и абсолютных дат Анетовки II, оба эти горизонта можно отнести **лишь к раннепричерноморскому подгоризонту лессов рс1**, причем **более ранние и поздние четвертичные отложения отсутствуют на обоих памятниках**» (подчеркнуто нами – Ю.Д. и Д.Н.) (с. 44). Любого геолога-четвертичника подобная «стратиграфическая колонка» с почти полным отсутствием перекрывающих и подстилающих четвертичных отложений и сделанный на ее основе столь смелый вывод И.В. Сапожникова привел бы или в ужас или, по крайней мере, в недоумение. И если касательно возраста культурного слоя Анетовки II в делювиальных суглинках, которые геологически мало информативны, мы можем говорить на

основании данных четырех радиоуглеродных дат в узком интервале 19 – 18 тыс. лет назад, то что можно сказать о Большой Аккарже?

Легкости, с которой И.В. Сапожников определяет возраст погребенных почв и лессовидных суглинков, мог бы позавидовать любой геолог-четвертичник. Например, геолог Г.И. Иванов, описывая разрез Анетовки I, приводит такие данные об отложениях, подстилающих суглинков со «взвешенными» находками этого памятника: «Эолово-делювиальный горизонт желтовато-палевых суглинков с явно выраженной столбчатой структурой, **внешне напоминает погребенную почву**» (с. 45). Какой вывод делает И.В. Сапожников, «не вдаваясь пока в детали культурной интерпретации и датировки этого памятника» (там же)? А вот какой: «исходя из стратиграфии и абсолютных дат описанных выше поселений (некоторые из которых мы уже рассмотрели – Ю.Д. и Д.Н.), можно **достаточно определенно** связать третий литологический горизонт Анетовки I с **остатками дофиновской почвы** и отнести время формирования ее культурного слоя ко времени после 22 тыс. лет ВР. В таком случае светло-желтый лесс горизонта 4 **следует признать бугским**» (с. 45). Вот так – все просто и ясно!

Показательно, что если имеющиеся радиоуглеродные даты (не для Анетовки II, а, например, для Нововладимировки II – 19 340 ± 95 лет (Ki-6203) по образцу кости) не соответствуют данным «геохронологического метода» И.В. Сапожникова, то и эта проблема тоже решается им легко. Так, критикуя Н.П. Оленковского за синхронизацию Нововладимировки II и Амвросиевки на основании использования им вышеприведенной даты и, отметим, анализа кремневого комплекса этой стоянки, он, не вдаваясь в детали, приходит к выводу: «На мой взгляд (человека, никогда на Нововладимировке II не бывавшего и оперирующего чужим описанием разреза – Ю.Д. и Д.Н.), третий горизонт Нововладимировки II является **ничем иным** (подчеркнуто нами – Ю.Д. и Д.Н.), как погребенной почвой среднепричерноморского подгоризонта схемы М.Ф. Веклича и в таком случае ее абсолютную дату **следует считать** существенно удревненной. Конечно, **теоретически** можно сопоставить эту почву и с дофиновской, но тогда дата будет не менее значительно омоложенной, а нижележащая погребенная почва (слой 5) будет как минимум добугской, а именно витачевской» (с. 47). Вот так – не приходил, не видел, но все равно победил! Обоснованное же мнение автора раскопок Н.П. Оленковского (2000: 33), что упомянутая «погребенная почва» является

обычным солончаком и это вполне естественно в силу расположения памятника на берегу Сиваша, в расчет не принимается. К сожалению, подобные примеры применения нового «геохронологического метода» можно продолжать до бесконечности.

Следует, однако, вернуться к датировке многострадальной и «уникальной» Большой Аккаржи по данным палинологического анализа. Результаты последнего не являются абсолютным аргументом в пользу именно максимума похолодания второго плейстоцена вюрма в 19 – 18 тыс. лет назад. Эти данные позволяют С.И. Медяник говорить лишь о приуроченности серовато-желтого лессовидного суглинка стоянки «причерноморскому горизонту Украины» (с. 285), и не более того. Абсолютные даты по радиоуглероду, за исключением пока единственной приведенной И.В. Сапожниковым в тексте его докторской диссертации (около 8 000 лет назад – датировки Киевской лаборатории мезолитической примеси), для собственно находок эпиграфетта Большой Аккаржи им пока нигде не анонсированы. Более того, как можно было уже убедиться, он, собственно, вообще не доверяет датам C¹⁴ и предпочитает указанный выше «метод цветности суглинков» при определении возраста самых разных во всех отношениях стоянок верхнего палеолита Северного Причерноморья. И все это постулируется для хорошо отработанного абсолютными датами по радиоуглеродному методу периода времени верхнего палеолита в 22 – 18 000 лет назад. Более чем странный подход для археолога, причем И.В. Сапожников и геологом, как известно, не является, а на большинстве «продатированных» им разрезов памятников никогда лично не был. Кстати, и описание значительной части разрезов, которыми он оперирует, также сделано не геологами, а археологами на основании их визуальных исследований.

Обратимся теперь к выделенным в ходе раскопок 1988 – 1993 гг. Большой Аккаржи четырем концентрациям находок (или «хозяйственно-бытовым комплексам» – ХБК, по И.В. Сапожникову). Они совсем не впечатляют, так как по процедуре их определения о какой бы то ни было их реальности и инситуности не может быть и речи. Это просто «так легла карта» при значительном разрушении культурных остатков, а при внимательном изучении представленных планов находок т.н. ХБК (рис. IV. 2, IV. 8, IV. 15), по крайней мере, т.н. ХБК 3 и 4 совсем не представляют собой сколько-нибудь дискретные скопления материала. Но пусть это будут все-таки некоего рода пятна

находок – при чем здесь тогда наименование их в качестве ХБК? Ведь сам И.В. Сапожников приводит фундаментальное определение хозяйственно-бытовых комплексов И.Г. Шовкопляса 1977 г. с обязательной их сложной планиграфической структурой – «сумма взаимосвязанных между собой жилищ и различных хозяйственно-производственных и бытовых объектов, составляющих единое целое в жизни обитателей стоянки» (с. 138). Непонятно, однако, почему же т.н. скопления Большой Аккаржи вообще безапелляционно называются остатками жилищ? Аксиоматическая позиция И.В. Сапожникова (скопление = жилищу) сводится к двум предложениям: «К сожалению, на всех ХБК Большой Аккаржи, за исключением двух очагов, не было выявлено каких-либо следов других конструктивно-архитектурных элементов искусственных конструкций: ямок от столбов или жердей, углублений пола, выразительных рабочих мест (точков) и др. Данное обстоятельство не позволяет дать им более детальную интерпретацию с точки зрения реконструкции наземных жилищ, которые могли на них существовать, ввиду чего для этого уместно привлечь опубликованные материалы иных позднепалеолитических ХБК (то есть других скоплений верхнепалеолитических материалов – Ю.Д. и Д.Н.) зоны степей, а также данные этнографии» (с. 162). Учитывая вышеописанную степень сохранности культурного слоя в Большой Аккарже, можно предполагать наличие на этой стоянке жилых объектов в очень широком диапазоне – от ветрового заслона до «избушки на курьих ножках», но с одинаковым уровнем доказуемости. В силу уже сказанного нет и никаких объективных данных для выделения здесь ХБК. Соответственно, все последующие анализы «ХБК» Большой Аккаржи И.В. Сапожниковым также являются «рассуждениями на свободную тему» и, с точки зрения реальных фактов, никакой действительно научной информации не содержат. Для наших коллег, изучающих более поздние периоды археологии, позволим себе привести следующее возможное применение методических принципов И.В. Сапожникова для анализа археологических памятников. Используя их, мы тогда в случае обнаружения на сильно перепаханном и/или частично разрушенном по иным причинам античном или средневековом поселении всего только нескольких черепков керамики должны были бы делать вывод о существовании на этом поселении гончарного центра и никак не менее того.

Нельзя, впрочем, пройти мимо обоснования И.В. Сапожниковым синхронности т.н. ХБК Большой Аккаржи. В это невозможно поверить,

но только на основании «находки двух фрагментов от одной гальки... железистого кварцита» в т.н. ХБК II и ХБК IV И.В. Сапожников пишет «о синхронности по крайней мере двух названных комплексов» и «исходя из того, что между ними находился еще один ХБК 3 и они не накладывались друг на друга, все три названных ХБК можно признать одновременными (односезонными)» (с. 161-162). Далее, признание неопределенности аспекта синхронности т.н. ХБК I не мешает И.В. Сапожникову окончательно заключить следующее: «если один (или два) (так один или два? – Ю.Д. и Д.Н.) из четырех ХБК не являются строго одновременными, то все равно они могут относиться к двум (максимум к трем сезонам обитания) (к сожалению, И.В. Сапожников не указывает свое определение возможного максимального числа сезонов для годового цикла, хотя и оперирует в тексте монографии всего двумя сезонами – весенне-летним и осенне-зимним, и тогда можно было бы говорить или о круглогодичном обитании, или, скорее, о многократных посещениях людьми стоянки в самые разные времена года – Ю.Д. и Д.Н.) на протяжении двух (трех) лет (а почему не пяти – десяти, к примеру, ведь реальных данных все равно нет – Ю.Д. и Д.Н.), во время которых существовало поселение, и в этом смысле все ХБК, открытые и исследованные на Большой Аккарже, безусловно являются синхронными» (с. 162). Ну что тут сказать? Только то, что никаких данных о какой бы то ни было синхронности т.н. пятен находок Большой Аккаржи просто нет и из приведенных выше обоснований синхронности находок различных площадей одной стоянки можно заключить только одно: при таких методических подходах не синхронных по времени и/или сезону объектов одного памятника вообще не может быть.

И.В. Сапожников, однако, и этим не ограничивается, а почему-то затем пытается еще и «интерпретировать все ХБК Большой Аккаржи как места краткосрочного, сезонного, весенне-летнего обитания» людей верхнего палеолита и при том, что «конкретный срок существования этих ХБК назвать трудно (опять просто данных нет – Ю.Д. и Д.Н.), но вряд ли он мог намного превышать один-два месяца» (с. 162). На чем же основано определение И.В. Сапожниковым весенне-летних периодов проживания людей верхнего палеолита на Большой Аккарже? Есть всего два использованных им детерминирующих признака и они совершенно неожиданны. Это наличие в т.н. культурном слое памятника раковин моллюсков *Helix vulgaris* – «использование таких

моллюсков в пищу» людьми верхнего палеолита «является дополнительным аргументом в пользу определения сезона обитания на поселении как весенне-летнего», так как «понятно, что сбор хеликсов в осенне-зимний период просто невозможен» (с. 138), а также факт преобладания резцов над скребками в инструментарии кремневых коллекций, «поскольку массовая выделка... шкур животных обычно была приурочена к холодному, скорее даже зимнему времени года» (с. 162). На это скажем следующее: возможно, люди мезолита и собирали здесь моллюски *Helix vulgaris* около 8 000 лет назад весной и летом, а вот общее преобладание резцов над скребками для основных стоянок комплексов эпиграветта Северного Причерноморья (Анетовка II, Амвросиевка, Нововладимировка II и та же Большая Аккаржа) не можем трактовать с позиций сезонных миграций – отпочковкой коллективов людей эпиграветта на осень и зиму на какие-то совсем другие территории.

Для изучений вопросов сезонности нужны действительно реальные данные, и они обычно предоставляются археозоологами по анализу фауны стоянок палеолита. Кроме известных традиционных палеонтологических методик, стоит здесь отметить разрабатываемый уже не менее 15 лет метод определения сезонности по особенностям зубов животных (см, например, публикации в легко доступных для отечественных коллег зарубежных изданиях – Lieberman 1993a; 1993b), базирующийся на пионерных методических разработках советских зоологов Г.А. Клевезаль и С.Е. Клейненберг второй половины 1960-х гг. для такого рода исследований. Анализ Е.П. Секерской фауны Большой Аккаржи раскопок 1988 – 1993 гг. (с. 286-288) является, однако, не информативным для действительных сезонных штудий и поэтому не может пока использоваться в пользу каких-либо заключений по этим вопросам. При этом в палеонтологической коллекции Большой Аккаржи налично большое количество зубов бизонов, и скеписис И.В. Сапожникова (с. 216) по поводу данных анализа Л. Тодда и А.А. Кротовой в русле современных археозоологических исследований сезонности Амвросиевского костыща совершенно непонятен, так как для той же Большой Аккаржи это – единственный объективный метод определить возможную сезонность проживания на памятнике коллективов людей верхнего палеолита. То же обстоятельство, что не все исследователи всегда согласны с результатами таких изучений особенностей зубов животных, не должно никого смущать, так как это нормаль-

ный научный процесс, кардинально отличающийся от «кавалерийских наскоков» типа провозглашения И.В. Сапожниковым собирания эпиграветтцами Большой Аккаржи во время максимума похолодания вюрма теплолюбивых моллюсков *Helix vulgaris*.

Анализ культурных отложений Большой Аккаржи и их находок и структур не может быть завершен без упоминания выделенных И.В. Сапожниковым десяти очагов (с. 135-137). Обоснованность их выделения очень сомнительна в свете того обстоятельства, что «у пяти очагов диаметр составлял от 10 до 18 см (рис. IV. 1, 2-6)» (с. 136) – более чем странные размеры для любого из археологов, когда-либо раскапывавших очаги / очажные пятна на археологических стоянках. Ведь не имеем же мы дело с лилипутами верхнего палеолита в Большой Аккарже! Может, это вообще не очаги? На такую вероятность может указывать в центре т.н. ХБК I «очаг диаметром 17–18 см», причем «его сохранность была неудовлетворительной, так как прямо по нему прошла кротовина» (с. 136). В таком случае, по крайней мере, т.н. маленькие очаги могут быть вообще кротовинами, и тогда неудивительно, что «не удалось получить ни одной радиоуглеродной даты по образцам костного угля, отобранном во время раскопок на Большой Аккарже, хотя около десятка из них было разослано в лаборатории Санкт-Петербурга, Швейцарии и Дании» (с. 37). С другой стороны, все проиллюстрированные И.В. Сапожниковым в книге очаги (рис. IV. 1) являются идеально округлыми в плане и полуокруглыми в профиль, что не соответствует формам очагов / очажных пятен палеолита и, конечно, опять ставит под серьезный вопрос реальность определения такого рода структур на данном памятнике. В этой связи не может не обращать на себя также внимание и тот факт, что П.И. Борисковский, первоначально отмечавший для Большой Аккаржи остатки костра и двух очажных скоплений в ходе раскопок 1961 г., затем писал о полном отсутствии ям и кострищ на стоянке (с. 135-136).

Итак, значительно «распорошенные» по вертикали, не инситные и не гомогенные, без четких структур слоя находки эпиграветта Большой Аккаржи в плане их т.н. хозяйственно-экономического анализа в действительности практически «немые». Более того, проведенная И.В. Сапожниковым интенсивная работа по значительному искусственному завышению информативности данных по этой стоянке может только привести к обратному результату: коллеги просто будут считать данный памятник верхнего палеолита Северо-

Западного Причерноморья «полностью убитым» и абсолютно неполноценным для какого-либо реального его использования при анализе как индустриально-хронологического, так и хозяйственного аспекта верхнего палеолита Северного Причерноморья.

В этом плане положение автора и предлагаемых им идей и фактов усугубляется дополнительно еще и его очень критичным анализом на базе исключительной значимости т.н. ХБК Большой Аккаржи скоплений находок на многих других верхнепалеолитических стоянках региона с постоянным высказыванием сожалений по поводу недостаточности данных и неудовлетворительности результатов раскопок своих коллег. Ограничимся здесь лишь одним примером некорректности И.В. Сапожникова. В 1967 г. при спасательных раскопках стоянки Сагайдак I в зоне затопления Софиевского водохранилища на реке Ингул в Николаевской области Украины В.Н. Станко и Г.В. Григорьева на глубине около 2.5 метров от дневной поверхности исследовали и зафиксировали на площади 116 кв. метров очень тонкий (в основном, 3 – 4 см толщиной) и инситуальный верхнепалеолитический слой с четкими и дискретными шестью скоплениями находок вокруг очагов и/или очажных пятен (Станко, Григорьева 1977). Это, действительно, очень не частый пример обнаружения и раскопок на значительной площади такого практически совсем не нарушенного и структурированного слоя верхнего палеолита в Северном Причерноморье с вероятной сохранностью в нем материальных остатков разового (!) поселения здесь людей. При этом – это слой с фауной, определенной палеонтологами, и с датами по C^{14} около 22 – 20 000 лет назад. А вот И.В. Сапожников сожалеет, что это поселение – при, подчеркнем, возможности его исследований только в течение одного полевого сезона 1967 г., так как «дальнейшее исследование стоянки было прекращено в связи с начавшимся затоплением долины р. Ингула» (Станко, Григорьева 1977: 39), – «...осталось недоисследованным на значительной территории», «границы и площади комплексов не были обозначены» и «поэтому материалы Сагайдака I с точки зрения исследования ХБК не являются в достаточной мере репрезентативными» (с. 177). Редкий случай необъективности и непонимания сравнения несопоставимых по своей научной информативности стоянок и находок.

Неоднозначна ситуация и с выделением жилищ на стоянках верхнего палеолита Северного Причерноморья, так как реальных фактов, подтверждающих наличие тех или иных

жилих конструкций, более чем мало. Ярким примером специфичности подходов И.В. Сапожникова к интерпретации жилищ верхнего палеолита представляют собой его описания и выделенные характерные особенности таких объектов на стоянке Осокоровка I (с. 166-170, 185). Речь идет о неких структурах в культурных горизонтах V-a – III-в Осокоровской стоянки, раскопанной в 1930 – 1940-е гг. И.Ф. Левицким в Днепровском Надпорожье. Большая часть материалов и документации этих раскопок утрачена. Исследователь памятника зафиксировал в горизонтах V-a, IV-б и III-в наземные «жилища» *подквадратной* формы (подчеркнуто нами – Ю.Д. и Д.Н.) с *оплетенной лозой и камышом и обмазанной глиной столбовой конструкцией*. Некоторые из этих объектов были даже побелены (с. 166-170). В середине они имели очаги с «*надочажными сооружениями*» и каркасом из наклоненных деревянных кольшкочков, обмазанных глиной, то есть, фактически, глинобитные печи. Можно понять сотрудника Харьковского музея И.Ф. Левицкого, который очень скрупулезно исследовал культурный слой этой стоянки и делал соответствующие реконструкции согласно своим тогдашним представлениям о быте человека верхнего палеолита. Непонятно только, почему специалист по верхнему палеолиту в 2003 году, вероятно, все же имеющий представление о подобных памятниках, серьезно оперирует такого рода объектами. Он их старательно меряет, классифицирует, определяет их одновременность и сезонность: «На мой взгляд, они являются *типичными зимними сооружениями* (подчеркнуто нами – Ю.Д. и Д.Н.), нижняя часть которых была *намеренно обложена слоем глины* для того, чтобы они стали более теплыми. В таком случае, по меньшей мере какая-то часть из них также, скорее всего, имела *коническую* (! – Ю.Д. и Д.Н.) форму, так как тогда становится понятным, почему остатки глины на двух из них были найдены в основном внутри жилого пространства» (с. 185). Интересно, кто из ныне работающих на юге Украины, Молдовы и России специалистов по палеолиту (кроме, разумеется, И.В. Сапожникова) может реально представить себе следы глиняной обмазки или побелки в лесовидных суглинках и особенно деревянных столбов или кольшкочков «*надочажной конструкции из глины*»? Констатация факта использования глинобитных хат-мазанок на каркасной основе с печами (вопрос об их побелке в данном случае не очень актуален) уже в верхнем палеолите Украины имеет все элементы сенсационности. Это вам не какая-то трипольская

культура энеолита... Не менее яркое впечатление производит еще один вывод И.В. Сапожникова о «жилищах» слоя III-в Осокоровки I: «...близкое расположение описанных сооружений свидетельствует о том, что не все ХБК и жилища данного горизонта памятника были синхронными... они могли использоваться на протяжении не одного, а, по крайней мере, двух сезонов обитания и в этом смысле *ситуация напоминает* (подчеркнуто нами – Ю.Д. и Д.Н.) Большую Аккаржу» (с. 169). Ситуация с «ХБК и жилищами» обоих памятников действительно очень похожа... по причине отсутствия оных. Уместно здесь процитировать автора двух монографий о палеолитических жилищах академика И.Г. Пидопличко (1969: 47), который лично посетил и осмотрел некоторые из осокоровских «жилищ» раскопок И.Ф. Левицкого: «Принятие заполненных и пустотелых отрезков кротовин, сделанных сусликами и слепышами, за углубления, образованные концами вкопанных жердей, и даже в некоторых случаях за *дымоходы* (подчеркнуто нами – Ю.Д. и Д.Н.), было повторено им и при раскопках Осокоровской позднепалеолитической стоянки в порожистой части Днепра. Указания на ошибочное толкование И.Ф. Левицким углублений, происходящих от кротовин естественными способами, были сделаны ему соответствующими специалистами в процессе раскопок как в Осокоровке, так и в Гонцах». К сказанному добавить нечего.

Жилища палеолита – это вообще тема отдельного исследования, и тем более предлагаемая И.В. Сапожниковым их классификация для Северного Причерноморья очень уж преждевременна. Однако им найдены даже чуть ли не прямые параллели этим жилищам – вигвамы палеоиндейцев Северной Америки «с углубленными в землю очагами в центре, обложенные по краям кругом камней» (с. 184). Так вот у И.В. Сапожникова получается, что проанализированные выше скопления находок Большой Аккаржи «следует интерпретировать как остатки наземных... жилищ типа вигвама (типи) округлой или овальной в плане формы» (с. 185), равно как и ряд объектов на иных стоянках Северного Причерноморья. Исходя из таких сравнений и базы данных, ценность всех наблюдений и выводов автора по характеристикам жилищ и ХБК Северного Причерноморья в монографии представляет, в лучшем случае, лишь познавательную ценность по этнографическим сведениям, без какой-либо содержащейся в них настоящей научной археологической составляющей.

Общие индустриально-хронологические построения верхнего палеолита Северного При-

черноморья, являющиеся основой любых региональных исследований археологии, предлагаются И.В. Сапожниковым также в более чем оригинальной манере. Как это ни парадоксально, для него не существует разницы между принципами, с одной стороны, археологической периодизации верхнего палеолита и, с другой стороны, хроно-стратиграфии второй половины последнего (вюрмского) оледенения (с. 37-42, с. 230). В результате И.В. Сапожниковым предложена археологическая периодизация верхнего палеолита с четырьмя ее порами в привязке к геологическим периодам вюрма и их строго определенным хронологическим рубежам. Базовой для него является идея совпадения геохронологии вюрма археологическим «порам и уровням» верхнего палеолита, как будто людям верхнего палеолита необходимо было обязательно коррелировать изменение своей материальной культуры с различными климатическими отрезками вюрма. Вследствие этого, И.В. Сапожников даже укоряет коллегу-археолога М.В. Аниковича, который в последнее время «существенно пересмотрел свои взгляды на периодизацию позднего палеолита Восточной Европы, по сути почти полностью *отказавшись от геопалеогеографического принципа*» (подчеркнуто нами – Ю.Д. и Д.Н.) (с. 39-40). Каких-либо других критериев (и, прежде всего, археологических) выделения разных этапов верхнего палеолита автор даже вскользь не упоминает. Попробуем экстраполировать такой подход на более поздние археологические эпохи, и тогда получится, что этапы той же трипольской культуры энеолита следует выделять, в первую очередь, не по особенностям хозяйства, керамического производства, домостроительства, идеологических представлений и социальных изменений сообществ племен, а просто строго «рубить» по неким столетиям.

Каков же итог таких построений верхнего палеолита Северного Причерноморья, по И.В. Сапожникову? Начальная пора верхнего палеолита – это не только 36-35 – 30 тыс. лет назад, но и «заключительный период бугского горизонта»; ранняя пора верхнего палеолита – это «дофиновский горизонт» (30 – 22 тыс. лет назад); средняя пора верхнего палеолита – это «раннепричерноморский подгоризонт» (22 – 16,5 тыс. лет назад); поздняя пора верхнего палеолита – это «средне- и позднепричерноморские подгоризонты» (16,5 – 10,3 тыс. лет назад) (с. 230). Более того, приведенная выше схема представляет собой абсолютно оригинальную периодизацию верхнего палеолита, где хронологический рубеж между ранней и средней по-

рой верхнего палеолита приходится на 22 тыс. лет назад. Хорошо известны частые очень особые подходы к пониманию палеолита археологами Восточной Европы, и вот один из самых «оригинальных» перед нами налицо. Если по европейским меркам рубеж между ранним и средним этапами верхнего палеолита приходится на 30 – 28-27 тыс. лет назад – полное исчезновение поздних среднепалеолитических и/или появление верхнепалеолитических граветтских комплексов, а рубеж между средним и поздним этапами верхнего палеолита приходится на 22 – 19 тыс. лет назад – исчезновение граветтских комплексов и появление эпиориньякских, солотррейских и эпиграветтских комплексов, то у И.В. Сапожникова все смещено на порядок вверх только лишь на базе специфически используемой им геохронологии вюрма. Поэтому при какой-либо попытке корреляции разных этапов верхнего палеолита Европы юг Украины, Молдовы и России, если пользоваться схемой И.В. Сапожникова, может предстать совершенно особым регионом континента, что по обще-европейским индустриально-хронологическим критериям совсем не так.

Обращает на себя внимание и исключительная смелость составления этой «общей схемы культурно-исторической периодизации позднего палеолита азово-причерноморских степей» (с. 230) для памятников, значительная часть которых или вообще не продатирована по радиоуглеродному методу, или эти даты не были проверены на основе биостратиграфических колонок и анализов пыльцы, микро- и малакофауны. О «геохронологическом датировании» И.В. Сапожникова уже достаточно было сказано выше. Однако этот «метод» позволил ему предложить вниманию коллег хронологически-периодизационную колонку верхнего палеолита региона с удивительными интервалами в 3,5 – 2 тыс. лет для средней поры и 3 – 1 тыс. лет для поздней его поры! Редкая отважность, учитывая состояние источников и степень приведенной аргументации. Тут фигурируют, например, стоянки и местонахождения, комплексы находок которых утрачены или депаспортизированы (Осокоровка, Миньевский Яр), просто собраны в размывах или на поверхности (Пидпорижний II, Кайстровые Балки, Сурской 5, Зеленый Хутор I-II, Чобручи, Калфа и др.), не говоря уже о смешанности части этих коллекций. «Перетасовывать» их можно как душе угодно, вот только проблема существует с научной целесообразностью подобной операции и способностью использовать соответствующие знания для необходимых индустриальных сравнений этих материалов с иными, уже

стратифицированными и гомогенными комплексами.

Перейдем теперь к содержательной индустриальной стороне предложенной И.В. Сапожниковым периодизации верхнего палеолита Северного Причерноморья. «Начальная пора» – «памятники не известны», и тогда зачем ее вообще выделять на этой территории? «Ранняя пора» – это «ориньякоидные индустрии (Зеленый Хутор, Лески, Ненасытец III, Ворона III и др.)», ««селетоидные индустрии» с двусторонними формами – Мира, Бирючьи Балки и др.», а также «неатрибутированные Ильинка, Анеговка XIII». Действительно, индустриально атрибутированными И.В. Сапожниковым эти комплексы назвать нельзя. В настоящее время именовать ориньякоидными находки Зеленого Хутора, Лесков, Ненасытец III и Вороны III – это значит не сказать ничего, так как т.н. ориньякоидные комплексы Восточной Европы в традиционном понимании отечественных палеолитоведов (см., например, работы М.В. Аниковича по этому вопросу) на практике являются абсолютно аморфными как в хронологическом – от около 36 000 до около 15 000 лет назад, так и в индустриальном проявлении – могут содержать и ориньякские, и эпиориньякские, и граветтские, и эпиграветтские типы орудий. Именно поэтому сейчас одной из самых актуальных проблем верхнего палеолита Восточной Европы и является индустриально-хронологическое расчленение ориньякоидности на указанные выше технокомплексы (см Демиденко 2003а; в печати).

Перечисленные же И.В. Сапожниковым т.н. ориньякоидные комплексы Северного Причерноморья как раз и представляют собой совершенно различный «индустриальный салат». То же самое можно сказать и про «селетоидные индустрии» Миры и Бирючьих Балок. Часть комплексов находок последних являются безусловно костенковско-стрелецкими, а остальные пока не ясны. Верхний же слой стоянки Мира еще никем, кроме И.В. Сапожникова, не определялся как селетоидный. Это касается и являющегося бесспорным авторитетом для И.В. Сапожникова М.В. Аниковича, который однозначно относит артефакты Миры к городцовской культуре афонтовского технокомплекса (Аникович 2003: 23). Еще больше вопросов возникает по отнесению находок пещеры Ильинка к ранней поре верхнего палеолита. Ильинка – это карстовая ловушка со случайно попавшими туда разновременными находками (мнения С.Н. Бибикова, П.И. Борисковского). Большая часть находок или т.н. «древний комплекс» – это никакой не верхний, а средний палеолит

(мнения П.П. Ефименко, С.Н. Замятниной, И.Г. Пидопличко, А.В. Добровольского, П.И. Борисковского, Н.Д. Праслова, А.А. Формозова, В.П. Любина, В.Н. Гладилина, В.И. Красковского). Находки каменных изделий по иллюстрациям публикаций однозначно выглядят среднепалеолитическими и по нашему мнению. А вот делать ставку И.В. Сапожникову в определении якобы верхнепалеолитической эпохальной атрибуции всего комплекса Ильинки на основании облика т.н. костяных изделий при отсутствии и C^{14} дат для них, и детальны их описаний, и макро- и микрофото специалистом-трасологом, скорее всего, являющихся просто погадками хищников, по крайней мере, несерьезно при наличии среднепалеолитических каменных изделий. Здесь можно посоветовать И.В. Сапожникову попробовать перенять опыт квалифицированных коллег по современному изучению подобного рода карстовых пещер с палеонтологическими, редкими археологическими находками и даже скелетными остатками человека палеолита, где упор делается на детальное изучение стратиграфии и планиграфии отложений, в результате чего становится очевидным попадание случайным образом разновременных находок в эти пещеры и то, что «эти пещеры не представляют собой реальные места жизнедеятельности людей» (Svoboda 2000).

Все вышесказанное позволяет нам сказать, что методические подходы и выделяемые И.В. Сапожниковым памятники ранней поры верхнего палеолита Северного Причерноморья никоим образом не проясняют хоть сколько-нибудь индустриально-хронологическую раннюю верхнепалеолитическую ситуацию в регионе, а напротив, добавляют к уже имеющимся вопросам по этой проблематике еще больше неясностей.

«Нижний уровень» «средней поры» верхнего палеолита Северного Причерноморья включает «ориньякоидные индустрии или т.н. «граветтоидный эпиориньяк» времени 22 – 20 тыс. лет назад с материалами стоянок Анетовка I, Мураловка, Сагайдак I и Золотовка I Украины и России. Начнем с хронологии. В отношении определения возраста поселения Золотовка I (Нижний Дон) его исследователи Н.Д. Праслов и В.Е. Щелинский (1996: 9) исходят как из результатов палинологического анализа Е.С. Малясовой состава растительности – «едва ли можно сомневаться в том, что оно функционировало уже после максимума последнего оледенения» (следовательно, моложе 18 000 лет назад – Ю.Д. и Д.Н.), так и из даты C^{14} по костному углю в $17\ 400 \pm 700$ лет

(ГИН-1968). Следовательно, Золотовка I пока имеет все основания датироваться моложе 20 000 лет назад. Нет вообще никаких оснований до новых раскопок Анетовки I (Побужье) строго ставить ее находки в интервал 22 – 20 тыс. лет назад. Даты C^{14} Мураловки (Нижний Дон) по образцам кости находятся в диапазоне 20 – 18 тыс. лет назад – $19\ 630 \pm 200$ (JE-1601) и $18\ 780 \pm 300$ (JE-1438) лет назад. Культурный слой этой стоянки приурочен к слабо выраженной погребенной почве. Е.А. Спиридонова по пыльце определяет здесь потепление межстадиального ранга. Она сопоставляет его с началом интерстадиала тюрсак, чей абсолютный возраст оценивается ею в около 21 тыс. лет назад, и поэтому считает имеющиеся C^{14} даты несколько омоложенными (Спиридонова 1991: 127-131). С другой стороны, датировка интерстадиала тюрсак Западной Европы Е.А. Спиридоновой как раз явно омоложена (обычно его датируют или около 25, или около 24 – 23 тыс. лет назад), но все становится на свои места, когда Е.А. Спиридонова затем уверенно коррелирует данный межстадиал Мураловки с гмелинской почвой Костенок 21 Среднего Дона времени 22 – 21 тыс. лет назад, и тогда уже ясна некорректность его сравнения с интерстадиалом тюрсак (Спиридонова 1991: 188-190). В настоящее время можно говорить о двух альтернативах датировки погребенной почвы с археологическими находками Мураловки: или гмелинский интерстадиал времени около 22 – 21 тыс. лет назад, или интерстадиалы ложери (около 20 – 18 800 лет назад) и Косоуцы VI (около 19 500 – 19 000 лет назад). Обе эти геохронологические гипотезы имеют право на существование, и только дополнительное изучение данной стоянки с помощью естественнонаучных методов, может быть, внесет в вопрос ее датировки большую ясность. В итоге только находки стоянки Сагайдак I (Побужье) с C^{14} -датами по образцу зуба мамонта в интервале около 22 – 20 тыс. лет назад ($21\ 240 \pm 200$ (JE-1602a) и $20\ 300 \pm 200$ (JE-1602b) лет назад) могут соответствовать очерченному И.В. Сапожниковым хронологическому интервалу.

Наконец, индустриальная атрибуция этих комплексов Северного Причерноморья у И.В. Сапожникова почему-то синкретична. Они им определены как «граветтоидный эпиориньяк», что является абсолютным терминологическим новшеством в палеолитоведении. При этом совершенно не указаны какие бы то ни было граветтские технико-типологические характеристики в упомянутых комплексах (Анетовка I, Мураловка, Сагайдак I и Золотовка I). Знаем,

почему – их там просто нет, поскольку, кроме анализа публикаций коллегами материалов всех этих памятников, оба автора настоящей статьи-рецензии имели возможность ознакомиться лично с тремя из четырех (кроме Сагайдака I) из этих комплексов (за что очень признательны В.Н. Станко и Н.Д. Праслову), в отличие от И.В. Сапожникова. Возможно, последний не может отличить маргинальную абразивную дорсальную ретушь сагайдакско-мураловских микролитов на чешуйках и укороченных микропластинках от гравецких / эпигравецких микролитов с притупленным ретушью краем? Последнее позволяет понять, почему он тогда также считает гомогенными, например, комплексы Рашков VII-VIII Молдавии (с. 229), которые представляют собой механическую смесь находок эпиориньяка типа кремс-дюфур и эпигравецка. Это его проблемы как археолога-типолога. Дополнительно напомним еще, что на Рашкове VII и VIII, кроме вышеупомянутых двух абсолютно разноиндустриальных типов микролитов, найдены и обломки пазовых наконечников из рога и мамонтового бивня. Подобные типы метательного вооружения, с закреплением в их пазах микролитов с притупленным ретушью краем вертикально с помощью смолы, широко представлены только в восточно-гравецких и эпигравецких индустриях (например, на стоянках Авдеево, Молодова V, Кормань IV, Анетовка II, Амвросиевка, Бармаки, Мезин, Межиричи, Юдиново, Семеновка 3 и др.), но абсолютно неизвестны ни в ориньякских, ни в эпиориньякских комплексах Европы. Конечно, И.В. Сапожникову предпочтительнее использовать эти материалы Молдовы для обоснования выделяемого им экзотического «гравецкого эпиориньяка», чем признать их смешанность, подобно коллекции той же Большой Аккаржи.

Более того, И.В. Сапожников включает в этот круг индустрий и находки нижнего слоя Сюрени I раскопок 1920-х гг., игнорируя все данные новых раскопок этой крымской стоянки 1990-х гг. Последнее, по крайней мере, неразумно и может только свидетельствовать о недостаточных его знаниях по проблемам абсолютного датирования стоянок палеолита, так как AMS радиоуглеродные даты для Сюрени I в около 28 и 29 тыс. лет назад следует на самом деле считать статистически идентичными, а не противоречащими друг другу; определения тех или иных типов микролитов ориньяка: в нижней пачке Сюрени I – это удлиненные пластинки дюфур (подтипа дюфур с преимущественно альтернативной ретушью), что является общеевропейски признанным по-

казателем раннего / древнего ориньяка типа кремс-дюфур (38-36 – 30 тыс. лет назад); идентификации как среднепалеолитических, так и специфических кареноидных типов орудий в этой пачке отложений навеса; а также пренебрежением опубликованными данными анализов микро- и малакофауны (см Демиденко 2002; 2003б; 2004). Больше данных приводить по нижнему слою Сюрени I не будем – разительные отличия этих крымских раннеориньякских находок и данных комплексов эпиориньяка Северного Причерноморья без единой пластинки дюфур подтипов дюфур и рок де комб очевидны, и это задача И.В. Сапожникова, чтобы понять их. Если же ему не подходит точка зрения одного из авторов настоящей рецензии по геохронологии Сюрени I, то он может ознакомиться с мнением В.П. Чабая по этому поводу с соответствующей критикой позиции И.В. Сапожникова (Чабай 2004: 27-30). Таким образом, ни хронологически, ни индустриально определения И.В. Сапожниковым т.н. нижнего уровня средней поры верхнего палеолита Северного Причерноморья не соответствуют реальным данным.

«Средний уровень» «средней поры» верхнего палеолита Северного Причерноморья включает «гравецкоидно-ориньякоидные индустрии или т.н. “ориньякоидный эпигравецк”» времени 19 – 18 тыс. лет назад с комплексами находок стоянок Анетовка II, Амвросиевка и Большая Аккаржа. Благодаря плодотворным работам В.Н. Станко и А.А. Кротовой с коллегами сейчас действительно можно уверенно говорить о датировке Анетовки II и Амвросиевки временем 19 – 18 тыс. лет назад, чего не скажешь, однако, о Большой Аккарже. Неиспользование И.В. Сапожниковым возможностей метода C^{14} по образцам кости для датирования этой стоянки, в настоящее время позволяет лишь, опираясь на эпигравецкий характер большинства ее находок и вероятно, но не более, раннепричерноморское время седиментов, датировать пока данный памятник в интервале 20 – 16-15 тыс. лет назад и никак не конкретнее.

Индустриально сталкиваемся с еще одной синкретической атрибуцией И.В. Сапожникова. Эти комплексы эпигравецка определены им как «ориньякоидный эпигравецк». Объяснений этому нет, но из разных частей монографии (например, с. 228-230) становится понятно, что, по мнению И.В. Сапожникова, в данных эпигравецких индустриях присутствуют высокие скребки (то есть кареноидные атипичные скребки) и/или сагайдакско-мураловские микролиты. А поконкретнее? В Большой Аккарже – это, как

уже указывалось нами, механическая эпириньякская примесь. В Анетовке II В.Н. Станко и Г.В. Григорьева в насчитывающей миллион предметов коллекции выделили такого рода изделия, но здесь т.н. высокие скребки все-таки другие, а чешуйки имеют лишь частичную ретушь, и скорее всего, это случайные формы. Поэтому не представляется возможным говорить об эпириньякских типологических элементах в эпиграветте Анетовки II. В Амвросиевке при массовом производстве узких микропластин под преимущественно игловидные эпиграветтские микролиты, конечно, есть формы нуклеусов, близкие кареноидным изделиям. Это, впрочем, общее объяснение присутствия отдельных типологически определяемых кареноидных нуклеусов и скребков, но не резцов (!), в эпиграветтских индустриях Центральной и Восточной Европы и преувеличивать их значение не стоит. Здесь лучше не создавать «типологический салат», а подходить к анализу каждой эпиграветтской индустрии конкретно, и настоятельно необходим детальный их технологический анализ. При обосновании термина «ориньякоидный эпиграветт» И.В. Сапожников (с. 228-229) некорректно ссылается на авторитет Я.К. Козловского, однако последний писал только об «ориньякоидных» элементах в эпиграветте» и ни слова о каком бы то ни было ориньякоидном эпиграветте (см Kozlowski 1996).

Наконец, опять Сюрень I, так как ее средний слой раскопок 1920-х гг. также определен И.В. Сапожниковым как ориньякоидный эпиграветт. Снова здесь игнорирование данных раскопок 1990-х гг. Сюрени I при отсутствии конкретизации эпиграветтских элементов в этой типичной для Европы времени 32-31 – 27 тыс. лет назад поздней / развитой ориньякской индустрии типа кремс-дюфур с микропластинами дюфур подтипа рок де комб. При этом объединение И.В. Сапожниковым в одну индустриально-хронологическую группу отчетливого, пусть и разнотипного, эпиграветта (Анетовки II, Амвросиевки и Большой Аккаржи) и ориньяка средней пачки культуросодержащих седиментов Сюрени I (с. 229) – удивительный и редкий пример непонимания хронологии и индустриальных особенностей верхнего палеолита – и не менее того.

Показательно, что среди вышеуказанных памятников «нижнего и среднего уровней среднего этапа верхнего палеолита», представляющих, по мнению И.В. Сапожникова, «ориньякоидный путь развития» или «ориньякоидный технокомплекс», по терминологии М.В. Аникивича, фигурирует такой замечательный памятник,

как Ивашково VI. Вследствие якобы наличия в комплексе находок последнего «пластиночек дюфур», по мнению И.В. Сапожникова, «следует еще раз более настойчиво поставить вопрос об удревнении возраста стоянки Ивашково VI, которую С.П. Смольянинова относит к финальной поре позднего палеолита» (с. 134). Что же из себя представляет этот памятник «ориньякоидного пути развития», который так настойчиво нуждается в удревнении? Сборы его подъемного материала производились на площади 400 × 250 м, а вскрытая раскопами площадь составляет 90 кв. м. Находки в двух раскопах были рассеяны по вертикали от современной дневной поверхности до глубины 95 см, их максимальная концентрация зафиксирована на глубине 40 – 80 см, и есть справедливое заключение автора раскопок С.П. Смольяниновой, «что непо потревоженный культурный слой здесь отсутствует» (Смольянинова 1990: 42-43). Все эти данные весьма сильно напоминают «уникальную» Большую Аккаржу, и только фаунистические остатки в Ивашково VI отсутствуют. В составе микролитического комплекса данного памятника (и среди подъемного материала, и из раскопок) присутствуют: эпириньякские микролиты сагайдакско-мураловского типа с абразивным затуплением, типичные эпиграветтские микролиты с притупленным ретушью краем, низкие трапеции с ретушированным верхним основанием «осоковорско-рогаликского типа», характерные для индустрий Царинки и Рогалика, а также еще и массивные симметричные средневысокие сегменты, вероятно, связанные с индустриями типа Белолесья (Смольянинова 1990: рис. 16 и 17). Для полноты индустриальной пестроты, отражавшей бы весь спектр комплексов верхнего палеолита и мезолита региона, здесь не хватает только Гребеников и Кукрека. Что же, собственно, из представленных индустрий настоятельно собирается «удревнять» И.В. Сапожников? Почему бы ему на основе комплекса находок Ивашково VI не соорудить еще одну синкретическую индустрию типа «ориньякоидно-эпиграветто-осоковорского Белолесья»? Или в любом другом последовательном порядке этих терминов, по его усмотрению, поскольку степень доказуемости и/или обоснованности будет все равно негативно одинаковой. Все вышесказанное не дает нам возможности принять положения И.В. Сапожникова по выделяемым им комплексам среднего уровня средней поры верхнего палеолита Северного Причерноморья.

Теперь о памятниках поздней поры хронологической схемы И.В. Сапожникова. Опять необходимо говорить о границах выделяемых

«уровней» (иногда в интервалах всего лишь в 500 – 1000 лет) и степени их обоснования. Для многих комплексов, не то что раскопанных и имеющих определенную стратиграфическую позицию, но не датированных, а просто собранных на поверхности разными специалистами (например, Кайстровые Балки, Пидпорижный II) или депаспортизированных (Миньевский Яр), подобного рода индустриально-хронологические построения в принципе имеют сомнительную научную значимость. Почему, например, Нововладимировка II (с. 230), имеющая очень близкий с Амвросиевкой характер кремневой индустрии и близкую ей C^{14} дату (по И.В. Сапожникову, это был бы средний уровень средней поры верхнего палеолита, то есть 19-18 тыс. лет назад), помещена в нижний уровень поздней поры времени «от 16,5 до 16,0-15,5 тыс. лет ВР»? Потому что автор принял за погребенную почву солончак в Нововладимировке II? Почему те же «Кайстровые Балки», а это раскопанные и собранные в размывах разные местонахождения (пункты I – VI), а также Пидпорижный II, помещены в средний уровень поздней поры верхнего палеолита? Например, комплекс Кайстровой Балки VI имеет целый ряд достаточно архаичных эпиграветтских черт (массивные прямоугольники с вентральной подтеской, длинные двойные скребки и т.д.), на основании чего можно допустить, но не более того (!), его принадлежность к раннеэпиграветтским индустриям. Показательно, что в подавляющем большинстве случаев привлечения И.В. Сапожниковым тех или иных памятников, какой бы то ни было анализ и сопоставление их кремневых комплексов совершенно не проводится, и поэтому зачастую разнородным индустриям просто присваивается «эпиграветтский» ярлык... и все. Не очень убедительно для якобы столь всеохватывающей и дробной схемы. В других же случаях используется приснопамятный метод «геохронологического датирования», результаты которого опять-таки не соотносятся с реальными данными. Так, для 1-го и 2-го слоев стоянки Федоровка, упоминаемой И.В. Сапожниковым среди «граветтоидных индустрий» (кстати, почему не эпиграветтоидных, а, вернее, эпиграветтских? – Ю.Д. и Д.Н.) и «среднего уровня средней поры позднего палеолита – 20 – 18 тыс. лет ВР» (с. 230) были получены недавно C^{14} даты по образцам костей – $14\ 600 \pm 110$ (Ki-10355) и $15\ 200 \pm 110$ (Ki-10354) лет назад соответственно (Кротова 2003: 195).

В свете всего вышесказанного, абсолютно закономерно окончательно поставить вопрос: какой смысл в создании подобного рода «культурно-исторических периодизаций», базирую-

щихся на критически проанализированных нами «методических принципах»? Уверены, ответ на этот вопрос однозначный и очевидный – он, конечно, отрицательный.

И вот только теперь, после рассмотрения самых базовых научных аспектов монографии – действительной индустриально-хронологической сущности стоянки Большая Аккарка и вопросов периодизации верхнего палеолита Северного Причерноморья, – можно обратиться и к третьей основной ее составляющей. Речь идет об обосновании И.В. Сапожниковым «степной природно-хозяйственной области» на юге Украины. При этом четкие географические рамки т.н. степной Украины для анализируемого им периода времени 22 – 13 тыс. лет назад не приводятся и, более того, на карте основных памятников верхнего палеолита (с. 69) используется *современная* (!) граница степи и лесостепи южной Украины. Это не случайно. С одной стороны, у нас пока еще нет очень детальных палинологических характеристик для абсолютно четкого деления всей территории Украины и ее областей в разные периоды верхнего плейстоцена на различные палеоландшафты с соответствующими особенностями растительности.

С другой стороны, фоновым ландшафтом всей территории Украины, да и большей части всей Восточной Европы, в верхнем плейстоцене была степь, но различная по составу растительности и общей характеристике – в числе других, отметим и бореальную, и ксерофитную, и злаковую, и разнотравно-злаковую, и очень вариабельную перигляциальную и т.д.. Эти данные есть и в самой монографии И.В. Сапожникова (с. 55-60), и в специальных работах (среди самых последних из них см. Герасименко 2004). Более того, детально проанализированные палинологически такие верхнепалеолитические стоянки Нижнего Дона (истинная степная зона для всех ее сторонников), как Мураловка (один культурный слой) и Каменная Балка II (три культурных слоя), демонстрируют во время поселений людей палеолита лесные биоценозы с доминированием сосновых лесов и присутствием широколиственных пород деревьев и, наоборот, отсутствие поселений людей здесь в период открытых степных ландшафтов (Спиридонова 1991; Леонова и др. 2001-2002; Леонова 2003). Отсюда известные попытки выделения особой степной зоны на юге Украины, Молдовы и России методически или некорректны, или более чем преждевременны с учетом современных требований научной обоснованности тех или иных положений в современном палеолитоведении. Примечательно здесь отметить, что

методические проблемы обоснования им же самим т.н. «степной природно-хозяйственной области» отмечает и сам автор анализируемой монографии: «открытыми или не до конца проясненными остаются пока такие вопросы, как пространственные рубежи области, конкретное время ее существования, периодизация и формы специализации охоты, реконструкция годового цикла и др.», и «названные проблемы являются совсем не второстепенными» (с. 210). Все это, однако, отнюдь не помешало И.В. Сапожникову с нескрываемым пафосом стать апологетом такой «степной области», обвиняя во «всех тяжких» хоть в чем-то несогласных по этой проблематике коллег (с. 188-210).

Именно поэтому в настоящей статье-рецензии мы и используем наиболее приемлемое со всех точек зрения и палеогеографически нейтральное следующее территориальное определение для юга Украины, Молдовы и России – Северное Причерноморье. Дополнительное палеонтологическое обоснование И.В. Сапожниковым т.н. степной области как «степных специализированных охотников на бизонов и других стадных животных» (с. 197) также неубедительно. В палеолите сообщества людей всегда ориентировались в охоте на стадных животных, которые обитали на данной конкретной территории, и естественно, что в Северном Причерноморье, при преобладании среди стадных животных бизонов и лошадей, они и являлись основными объектами охоты. Следовательно, здесь при охоте людей палеолита четко прослеживается природная доминанта, а вот роль культурных факторов до сих пор остается неясной при ярко выраженной разноиндустриальности комплексов находок верхнего палеолита региона времени около 22 – 16-15 000 лет назад – известны и несколько типов эпиориньяка, и несколько типов эпиграветта, скорее всего, разновекторно связанные с территориями и Центральной Европы, и центра Восточной Европы, и севера Кавказского региона.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникович М.В. 2003. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск. №2 (14). С. 15-29.
- Борисковский П.И. 1961. Палеолитическая стоянка под Одессой: раскопки 1959 г. // КСИА. Вып. 86. С. 28-35.
- Герасименко Н.П. 2004. Розвиток зональних ландшафтів четвертинного періоду на території України. Автореф. дис. докт. географ. наук. 38 с.
- Демиденко Ю.Э. 2002. Навес Сюрень-I (Крым): индустриально-хронологическая колонка памятника и ориньякские комплексы // Археологические Записки. Ростов-на-Дону. Вып. 2. С. 29-67.
- Демиденко Ю.Э. 2003а. Ориньяк Западной и Центральной

Суммируя все вышесказанное, мы можем констатировать, что монография И.В. Сапожникова важна изложением новых материалов раскопок автором стоянки Большая Аккаржа, которые при детальном анализе предстают разноэпохальным и разноиндустриальным гетерогенным комплексом находок мезо-неолита и верхнего палеолита. Дополнительные анализы остатков бизонов памятника и их радиоуглеродное датирование могут помочь прояснить вопросы сезонности проживания здесь различных коллективов людей верхнего палеолита и определить возможный абсолютный временной диапазон их проживания на стоянке. Дробное технико-типологическое сравнение эпиграветтских кремней Большой Аккаржи и иных стоянок эпиграветта Северного Причерноморья должно привести к большему пониманию индустриальной вариативности этого технокомплекса в регионе и, может быть, наметить исходные территории, откуда коллективы носителей их традиций кремнеобработки проникли в регион в период максимума похолодания последнего оледенения. Эпиориньякские компоненты кремневых собраний Большой Аккаржи также очень важны, так как предоставляют дополнительные материалы для изучения данных индустриальных проявлений верхнего палеолита тоже во время второго пленигляциала вюрма. На основании уже таких исследований и можно будет затрагивать проблемы периодизации верхнего палеолита Северного Причерноморья времени 22 – 16-15 тыс. лет назад и его соотношения с комплексами соседних территорий, а также культурную составляющую проблематики т.н. «степной зоны». Таким образом, исследование материалов Большой Аккаржи может быть довольно продуктивным, что, в свою очередь, и позволит этому памятнику занять достойное место в систематике верхнего палеолита Восточной Европы. Нужно это только осуществить...

- Европы: систематизация данных и парадигмы интерпретаций // Кам'яна Доба України. Вип. 4. Київ – Полтава: Шлях. С. 150-175.
- Демиденко Ю.Э. 2003б. Кииккобинский тип микокских индустрий среднего палеолита Крыма: дискретная культура «шарантоидного парамикока» или индустриальное проявление крайней степени кремнеобработки крымской микокской традиции? // Варіабельність середнього палеоліту України. Київ: Шлях. С. 140-171.
- Демиденко Ю.Э. 2004. Общая характеристика стоянок и комплексов находок кииккобинского типа микокских индустрий среднего палеолита Крыма // Ю.Э. Демиденко (ред.). Грот Буран-Кая-III, слой В – эталонный

- памятник кииккобинского типа индустрии крымской микокской традиции. Комплексный анализ кремневых артефактов. Киев – Симферополь: Шлях. С. 8-29.
- Демиденко Ю.Э. (в печати). Восточная Европа в контексте проблематики ориньяка Европы: прошлые подходы и новые перспективы // Археологический Альманах. Донецк.
- Кротова О.О. 2003. Проблеми датування та періодизації пам'яток степової зони верхнього палеоліту // Кам'яна Доба України. Вип. 4. Київ – Полтава: Шлях. С. 183-198.
- Леонова Н.Б. 2003. Культурные адаптации эпохи позднего палеолита в Северном Причерноморье // Археологические Записки. Вып. 3. Ростов-на-Дону. С. 28-35.
- Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Спиридонова Е.А., Сычева С.А. 2001-2002. Стратиграфия покровных отложений и реконструкция условий обитания древнего человека на позднепалеолитической стоянке Каменная Балка II // Stratum plus. № 1. СПб. – Кишинев – Одесса – Бухарест. С. 523-537.
- Мотуз В.М. 1982. Фауна моллюсков из района палеолитической стоянки Молодова I // Молодова I. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. М.: Наука. С. 173-187.
- Нужний Д.Ю. 1992. Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці. Київ: Наукова думка. 186 с.
- Оленковський М.П. 2000. Палеоліт та мезоліт Присивашся. Проблеми епігравету України. Херсон: Придніпров'я. 170 с.
- Пидопличко И.Г. 1969. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев: Наукова думка. 162 с.
- Праслов Н.Д., Щелинский В.Е. 1996. Верхнепалеолитическое поселение Золотовка I на Нижнем Дону. Археологические Изыскания. Вып. 38. Санкт-Петербург. 72 с.
- Рогачев А.Н., Аникович М.В. 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // П.И. Борисковский (ред.). Палеолит СССР. М.: Наука. С. 162-271.
- Сапожников И.В. 2003. Большая Аккаржа. Хозяйство и культура позднего палеолита Степной Украины. Киев: Шлях. 304 с.
- Смольянинова С.П. 1990. Палеолит и мезолит Степного Побужья. Киев: Наукова думка. 105 с.
- Спиридонова Е.А. 1991. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене – голоцене. М.: Наука. 221 с.
- Станко В.Н., Григорьева Г.В. 1977. Исследование памятников каменного века на р. Ингуле // Древности Поингуля. Киев: Наукова думка. С. 37-51.
- Чабай В.П. 2004. Средний палеолит Крыма: стратиграфия, хронология, типологическая вариабельность, восточно-европейский контекст. Симферополь: Шлях. 324 с.
- Kozłowski J.K. 1996. The Latest Aurignacian and "Aurignacoid" elements in the Epigravettian of the Carpathian basin // XIII Congres UISPP. Colloque XI, vol. 6, The Upper Palaeolithic. Forli: ABACO. P. 83-98.
- Lieberman D.E. 1993a. Life history variables preserved in dental cementum microstructure // Science. Vol. 261. P. 1162-1164.
- Lieberman D.E. 1993b. The rise and fall of seasonal mobility among hunter-gatherers // Current Anthropology. Vol. 34. P. 599-631.
- Svoboda J. 2000. The depositional context of the Early Upper Paleolithic human fossils from the Koneprusy (Zlatý kun) and Mladec caves, Czech Republic // Journal of Human Evolution. Vol. 38. P. 523-536.

Статья поступила в номер 2 февраля 2005 г.